

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.629-639>

УДК 930

EDN: LKHBZM

ИСТОРИЯ МОНГОЛЬСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ И ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В РАБОТАХ Ж. ДЕ ГИНЯ И П.-Ш. ЛЕВЕКА

И.М. Габдрафиков ¹✉, И.В. Кучумов ²

¹ *Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Москва, Российская Федерация*

² *Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН
Уфа, Российская Федерация
✉ ildargab@yandex.ru*

Резюме. Цель исследования: в статье анализируются разделы книг французских историков Жозефа де Гиня (1721–1800) и Пьера-Шарля Левека (1736–1812), посвященные Золотой Орде.

Материалы исследования: книги «Всеобщая история гуннов, тюрков, монголов и других западных тартар... Сочинение господина Ж. де Гиня... сделанное на основе китайских книг и восточных манускриптов из Королевской библиотеки...» (1757) и «История Российская» (1812) П.-Ш. Левека.

Результаты и научная новизна: в XVIII в. во Франции были опубликованы два крупных труда, в которых излагалась история Золотой Орды. Это были «Всеобщая история гуннов, тюрков, монголов и других западных тартар...» востоковеда Жозефа де Гиня и «История Российская» Пьера-Шарля Левека. В них впервые вводились в научный оборот сведения об истории Золотой Орды и других тюрко-татарских государств Восточной Европы XIII–XV вв. К сожалению, научное наследие и де Гиня, и Левека было на Западе забыто и только в последнее время интерес к нему начал расти. Де Гинь использовал источники на восточных языках, Левек – преимущественно на русском языке. Это повлияло на особенности описания ими монгольского нашествия на страны Восточной и Центральной Европы. Восточные источники не позволили де Гиню дать подробную и точную хронологию монгольских завоеваний, истории Золотой Орды и ее преемников. Напротив, Левек впервые в западной историографии привлек широкий круг документов на русском языке, с которыми он ознакомился во время пребывания в России. История Золотой Орды и последующих тюрко-татарских государств изложена Левеком достаточно подробно и для своего времени в целом точно. Кроме того, Левек консультировался с российскими историками. Важное значение имеет попытка этого ученого использовать фактический материал по истории русско-ордынских отношений для уточнения и дополнения существовавших в его время концепций межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, историография, Жозеф де Гинь, Пьер-Шарль Левек

© Габдрафиков И.М., Кучумов И.В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Габдрафиков И.М., Кучумов И.В. История монгольских завоеваний и Золотой Орды в работах Ж. де Гиня и П.-Ш. Левека // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 3. С. 629–639. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.629-639>
EDN: LKHBZM

Финансирование: Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН № 1022040500508 1-6.1.1 «Социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие этнических групп в республиках Урало-Поволжья (на примере Республики Башкортостан)».

THE HISTORY OF THE MONGOL CONQUESTS AND THE GOLDEN HORDE IN THE WORKS OF J. DE GUIGNES AND P.-CH. LEVESQUE

*I.M. Gabdrāfikov*¹✉, *I.V. Kuchumov*²

*¹N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation*

*²R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies,
Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russian Federation
✉ ildargab@yandex.ru*

Abstract. Research objectives: This article analyzes sections of books by French historians Joseph de Guignes (1721–1800) and Pierre-Charles Levesque (1736–1812) devoted to the Golden Horde.

Research materials: The books “Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux...” (1757) by Joseph de Guignes and the “Histoire de Russie” (1812) by Pierre-Charles Levesque.

Results and scientific novelty: In the 18th century, two major works were published in France that described the history of the Golden Horde. These were the “Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux...” by the orientalist Joseph de Guignes and the “Histoire de Russie” by Pierre-Charles Levesque. For the first time, they introduced into scientific circulation some information about the history of the Golden Horde and other “Tatar” states of Eastern Europe of the 13th–15th centuries. Unfortunately, the scientific legacy of both de Guignes and Levesque has been forgotten in the West, and only recently has interest in it begun to return. De Guignes used sources in Oriental languages, while Levesque used materials mainly in Russian. This influenced the specifics of their description of the Mongol invasion of the countries of Eastern and Central Europe. Eastern sources did not allow de Guigne to give a detailed and accurate chronology of the Mongol conquests, the history of the Golden Horde, and its successors. On the contrary, Levesque was the first in Western historiography to draw on a wide range of documents in Russian, which he learned during his stay in Russia. The history of the Golden Horde and subsequent “Tatar” states is described by Levesque in sufficient detail and accurately enough for his time. In addition, Levesque consulted with Russian historians. It is important to note that this scholar tried to use factual material on the history of Russian-Mongolian relations to clarify and supplement the concepts of inter-civilizational dialogue that existed in his time.

Keywords: Golden Horde, Jochi Ulus, historiography, Joseph de Guignes, Pierre-Charles Levesque

For citation: Gabdrafikov I.M., Kuchumov I.V. The history of the Mongol conquests and the Golden Horde in the works of J. de Guignes and P.-Ch. Levesque. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 3, pp. 629–639. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.629-639> (In Russian)

Financial Support: The research was carried out within the state assignment of the R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, theme No. 1022040500508 1-6.1.1 “Socio-economic adaptation and social well-being of ethnic groups in the republics of the Ural-Volga region (on the example of the Republic of Bashkortostan)”.

Насколько актуальна сегодня историография эпохи Просвещения? Представляет ли она сейчас научную ценность? Что знали европейские просветители XVIII в. о татарах и о Золотой Орде, и есть ли необходимость обращаться к их работам на эту тему в наши дни?

Мы думаем, что наши заметки позволяют в определенной мере ответить на эти вопросы, тем более что, как показал в недавней работе французский исследователь Матье Шошуа, эта тема недостаточно изучена и в мировой науке [10, p. 15].

Выбор для анализа именно французской историографии был обусловлен тем, что именно она в то время лидировала в изучении заявленной темы [10, p. 5]. Интерес к Востоку, к татарам, в том числе и в широком значении этого термина, во французской интеллектуальной среде был достаточно большой. Расширение торговых связей Франции в XVIII в., особенно с Левантом, ее дипломатические и политические интересы в Персии, Индии, Китае и Сиаме привели к определенной «ориентализации» этой европейской страны, породив множество гибридных культурных практик и повлияв на нравы, повседневную жизнь, экономическую политику, торговлю и промышленность французов. Кабинеты диковинок, коллекции предметов, книг, рукописей, экзотических растений и цветов принесли не только эпистемологические инновации, но и ориентализировали европейцев и изменили их потребительские привычки. При этом рождение французского ориентализма, как отмечает его исследователь Ина Багдианц Маккейб, «было долгим и сложным процессом, который не всегда был заказан напрямую, профинансирован или даже спровоцирован французским двором» [9, p. 2, 7]. Важную роль в развертывании востоковедческих исследований играли созданная в 1666 г. Французская академия и другие королевские научные учреждения востоковедческого профиля [9, p. 101–136].

Одним из направлений изучения Востока во Франции того времени была история монголов и их завоеваний. Этой теме были посвящены сочинения П.-Ж. Орлеанского «История двух татарских завоевателей, покоривших Китай» (1688 г.), Ф. Пети де ла Круа «История великого Чингис-хана» (1710 г.) А. Гобиля «История Чингис-хана и монгольской династии в покоренном Китае» (1739 г.), К. де Висделу «История Татарии» (1777–1779 гг.) и т.д. Эти труды, как верно заметил кратко упомянувший их в своем ценном историографическом обзоре О.В. Лушников (к сожалению, неточно указавший имя одного автора и название его работы), были основаны преимущественно на восточных (китайских и персидских) источниках или являлись компиляциями [6, с. 13–14].

Подлинным прорывом в изучении проблемы стали труды французов Жозефа де Гиня (1721–1800) и Пьера-Шарля Левека (1736–1812). Труд первого, выдающегося ориенталиста, «Всеобщая история гуннов, тюрков, монголов и других западных тартар... Сочинение господина Ж. де Гиня... сделанное на основе китайских книг и восточных манускриптов из Королевской библиотеки...» (1756–1758), М. Шошуа назвал «настоящим шедевром историографии». Крупный советский востоковед А.Ю. Якубовский писал, что «заслуги Дегиня (он употребляет это имя в таком написании. – Авт.) приходится признать еще и потому, что он уже в середине XVIII в. познакомил читателей, более или менее правильно, с главными событиями, которые происходили со времени борьбы за сложение монгольского государства и до Тимуридов» [8, с. 34]. Однако сегодня Ж. де Гинь оказался забыт [10, р. 205, 208] и лишь недавно М. Шошуа предпринял попытку вернуть его имя в историю мирового востоковедения. В свою очередь, Л. Вульф оценил «Историю Российскую» видного антиковеда, медиевиста и ведущего знатока русского прошлого П.-Ш. Левека как исторический шедевр французского Просвещения [1, с. 428].

Как следует из названия произведения Ж. де Гиня, ученый пользовался фондами Королевской библиотеки Франции (ныне Национальная библиотека; имена наиболее часто цитируемых им авторов см. [10, р. 217–218]), в которой хранилось множество восточных рукописей и отчетов о путешествиях [9, р. 116]. В целом, использованные Ж. де Гинем источники – преимущественно, китайские и арабские – были уже известны, персидские он привлекает реже. Русским языком ученый не владел и поэтому соответствующие материалы не учитывал. Единственное исключение в этом отношении составила «Степенная книга» – один из крупнейших памятников русской исторической литературы XVI в., повествующий о русской истории с древнейших времен до 1560-х гг. Впервые она была издана только в 1775 г. Фрагменты переводов из нее, к сожалению, неточные, Ж. де Гинь получил от французского астронома Ж.-Н. де Лиля, одно время работавшего в России [10, р. 223–224]. Интересующий нас материал находится в 3-м томе сочинения Ж. де Гиня [11].

В своем труде ученый разделял татар на восточных и западных. Согласно ему, последние сыграли особую роль в истории не только Азии, но и Европы. Изложение хода похода хана Бату в Европу идет у автора параллельно с описанием завоевания монголами Китая [11, р. 95–102]. Источниками для рассказа о завоеваниях монголов на западе служат сочинения Абулгази-Бахадур-хана, Плано Карпини, китайские документы, а также работы ближайших предшественников, в частности, того же Гобиля. Начинает Ж. де Гинь с повествования о захвате Поволжья, затем переходит к нашествию на Русь и походу в страны Восточной и Центральной Европы. Однако история Золотой Орды представлена у него предельно кратко – это свидетельствовало о том, что на одних восточных источниках воссоздать ее невозможно. Удивляет хронология, которой придерживается ученый. Согласно вынесенным, как тогда было принято и в Европе, и в России, на поля датам, поход войск Бату на Поволжье и затем на западные земли, включая Русь, происходил... в 1235 г. Объясняется это особенностями задействованного Ж. де Гинем комплекса источников: персидские и особенно китайские сочинения о монголах и Золотой Орде, как правило, чрезвычайно скупы на даты. Хронология событий у Ж. де Гиня в основном становится корректной, начиная с рассказа о событиях, произошедших после

возвращения монголов из западного похода, но и в ходе дальнейшего повествования она не оказывается без изъянов.

Гораздо более успешным в этом отношении был опыт Левека – первого западного исследователя, который широко использовал источники по истории Золотой Орды на русском языке (подробнее о нем см. [2; 3; 4; 6]). В четвертом издании его многотомной «Истории Российской» (1812 г.) покорению монголами Восточной Европы и созданным ими на ее территории государственным образованиям посвящено 283 страницы 2-го тома. Анализируя этот раздел сочинения Левека, следует учитывать, что научное изучение данной проблемы в мировой науке тогда только начиналось, поэтому автор, как и его соотечественник Ж. де Гинь, имел возможность пользоваться очень ограниченным кругом документов.

В отличие от Ж. де Гиня, никакой помощи Левеку Королевская библиотека Франции оказать не могла. «Французу, – писал Левек, – не удастся написать русскую историю, сидя в парижском кабинете или погрузившись в наши крупнейшие книгохранилища, где он вряд ли найдет что-то полезное. Поэтому ему придется отправиться в Россию, посвятить несколько лет кропотливой и утомительной работе, выучить не только современный русский язык, но и древнерусское наречие, на котором написаны летописи, сделать выписки из трудных для понимания книг, сухо излагающих ничем не приукрашенную и предстающую в своей самой неприглядной наготе правду, отыскать ветхие манускрипты, написанные отвратительно неразборчивым почерком, изобилующие многочисленными сокращениями, орфографическими ошибками и описками переписчиков. Только после этого можно приступить к написанию собственного труда» [12, р. 7–8].

В соответствии с традициями российской науки XVII–XVIII и отчасти XIX вв. (Н.М. Карамзин и др.), изложение истории русско-ордынских отношений (именно этот ракурс превалирует в сочинении Левека) ведется ученым по годам правления русских князей. В Европе того времени этот метод уже во многом выглядел архаично. В частности, от него отказался Ж. де Гинь. Основными источниками для Левека были «Скифская история» А.И. Лызлова, две «Истории Российские» – В.Н. Татищева и М.М. Щербатова, «Опыт казанской истории древних и средних времен» П.И. Рычкова, а также русские летописи. Все они были опубликованы в России буквально за несколько лет до начала работы Левека над этой темой. Из иностранных работ он использовал «Родословное древо тюрков» Абулгази-Бахадур-хана и указанный труд Ж. де Гиня. Как видим, комплекс материалов крайне невелик. Впрочем, чего-то большего наука в то время предложить не могла. Однако, несмотря на это, Левек не только сумел последовательно изложить историю русско-татарских отношений, но и сделать ряд важных теоретических обобщений.

Если для Ж. де Гиня история Восточной Европы XIII–XV вв. – это больше история татарских государств, то у Левека на первом месте все же стоит Русь. Использование в основном русских источников сказалось на общей оценке ученым ситуации в этом регионе в рассматриваемое время – несмотря на ряд новаций, она во многом не выходит за рамки существовавших до недавнего времени в российской историографии односторонних трактовок золотоордынского периода истории.

Это надо иметь в виду, потому что, например, М. Шошуа несколько упрощенно подходит к оценке Левеком монгольских завоевателей: «Неудивительно, что для автора, пишущего на основе русских источников, монголы были “жестокими”, убивали безоружное население, которое пришли покорять, и грабили “все города”». Отсюда современный французский исследователь делает вывод, что «оригинальность Левека заключается не в его прочтении монгольской истории, а в предложенной им интерпретации правления Тамерлана» [10, р. 25]. М. Шошуа верно подметил, что в интерпретации Левека Тамерлан выглядит как положительный персонаж, спаситель (и, как пишет Левек, «виновник возрождения») Руси и Византийской империи. Однако требование, которое М. Шошуа предъявляет к жившему в XVIII в. Левеку, – знать нюансы этнической принадлежности Тамерлана и Токтамыша – вызывает, по меньшей мере, недоумение [10, р. 255–256]. Впрочем, столь же игнорирующими принцип историзма выглядят и его аналогичные претензии к Ж. де Гиню (см. [10, р. 226–227]).

Левек, идя против существовавшей до и после него историографической традиции, указывает, что название татарского народа (под ним он, скорее всего, подразумевал тюркское население преимущественно Восточной Европы) следует писать «татары», «ибо так называет его татарский князь Абулгази-Баядур, и его переводчики тоже придерживались этого варианта. Европейцы же пишут – “тартары”» [13, р. 56–57].

Ж. де Гинь и Левек примерно одинаково оценивают период татарского доминирования на территории Восточной Европы. Однако, с точки зрения сегодняшнего дня, это не главное в их произведениях: в условиях почти тотального господства европоцентризма требовать от авторов XVIII в. чего-то иного нельзя. Ценность их работ заключается в том, что они предоставили социологам эпохи Просвещения, которых тогда именовали философами, дополнительный, внеевропейский материал, который мог использоваться для доказательства возникших тогда теорий эволюции человеческого общества. Но если труд Ж. де Гиня был преимущественно первоисточником для такого рода построений, то Левек использовал выявленные им сведения по истории русско-татарских отношений, чтобы высказать собственные соображения об особенностях межкультурного взаимодействия. Серьезный анализ этой стороны творчества Левека проделал британский историк Рето Спек [14, р. 142–144]. Однако, на наш взгляд, нельзя согласиться с его активным стремлением приравнивать этого ученого к Монтескье, энциклопедистам и Вольтеру. На страницах своей «Истории Российской» Левек все же выступает не как теоретик, а как добросовестный фактограф, подробно описывающий историю русско-татарских отношений на основе неизвестных ранее на Западе источников, хотя определенных попыток теоретизирования отрицать у него нельзя.

Причины поражения и, шире, гибели Древней Руси он видит в ее феодальной раздробленности, некомпетентности князей, незнании ими военной тактики монгольских завоевателей. «До этого Русь, – пишет Левек, – имела дело с врагами, то побеждая их, то терпя поражение, но всегда знала, как с ними нужно воевать. Теперь же она оказалась неспособной противостоять народу, завоевавшему почти всю Азию, воинам, стремительным в нападении и легко обращающимся в бегство лишь для того, чтобы затем нанести сокрушительный удар, мгновенно исчезающим и тут же появляющимся вновь, чтобы атаковать

еще ожесточеннее» [13, р. 50]. Впрочем, у Руси была возможность избежать нашествия, если бы, по мнению Левека, монголы захватили Дербент – тогда, мол, они не погнались бы за половцами и не пришли бы к русским границам [13, р. 60].

Левек впервые в западной литературе описал ход монгольского нашествия на Русь, дальнейшую политику завоевателей, международные отношения того времени. Вкратце он рассказал о некоторых обычаях монголов – коленопоклонении, очищение огнем гостей хана и т.д. [13, р. 106–107]. Ученый приводит биографические сведения о золотоордынских ханах – их на страницах его сочинения присутствует целая плеяда. Не выходя сильно за рамки представлений о монголо-татарах как о жестоких завоевателях, Левек вместе с тем впервые в европейской историографии отказывается от их характеристики как кровожадных варваров. Он обращает внимание на веротерпимость золотоордынских правителей [13, р. 168–169]. Завоеватели в его представлении, которое, очевидно, опирается на критический анализ значительного объема прежде всего русских летописей, – это сложный феномен.

Ученый показывает насколько неоднозначным было правление ханов Золотой Орды землями Руси и приводит немало примеров того, что сегодня называют синтезом цивилизаций. Левек отмечает, что степень угнетения татарами русских князей в историографии (преимущественно, западноевропейской) явно преувеличена [13, р. 124]. Сообщая о брачных союзах русских удельных правителей с татарами, он задается вопросом: «если бы русские князья находились в столь униженном положении, как описывают иноземные авторы, то были бы возможны такие браки?» [13, р. 170]. Жестокие расправы завоевателей над покоренным населением ученый зачастую объясняет незнанием русскими князьями обычаев и менталитета татар [13, р. 107–108]. В то же время Левек не замалчивает коварства боровшихся за власть русских удельных князей, готовых ради этого совершать любые преступления против своих соотечественников. Тем самым он подводит читателя к мысли, что поведение золотоордынских ханов не было чем-то из ряда вон выходящим и имело аналоги в деяниях подвластных им правителей Руси. В этих своих рассуждениях ученый намного опередил свое время.

Особенности взаимодействия различных цивилизаций и его последствия – одна из узловых тем, которая вызвала большой интерес у европейских мыслителей XVIII в. Вольтер, Монтескьё, И. Гердер и многие их современники опубликовали немало работ на эту тему. Проблема взаимодействия государств и культур Европы в античности, Средневековье и в Новое время проходит через все творчество Левека, поэтому он не мог остаться в стороне от обсуждения этого животрепещущего вопроса. Тем более, что Левек располагал уникальными материалами, которыми на тот момент не владел ни один европейский мыслитель, – это были источники по истории России. Он блестяще распорядился ими, познакомив западную публику с прошлым страны, о которой в Европе знали очень мало, а также обогатил просветительские теории развития человечества и межкультурного взаимодействия. Практически одновременно с публикацией своей «Истории Российской» (1782) Левек издал «Историю народов, подвластных России», в которой не только показал этнокультурное многообразие России, но и попытался включить его в активно разрабатывавшуюся тогда европейской научной мыслью теорию всемирно-исторического процесса.

Это позволило ученому, обладавшему обширными знаниями по всемирной истории, провести сравнение традиционных культур Северной Евразии с античностью, коренным населением Нового Света и Океании и вписать «народы, подвластные России», в контекст поступательного развития человечества [5].

Взгляды Левека на сущность татарского владычества на Руси в корне отличались от распространенных в то время представлений о последствиях завоеваний цивилизованных народов варварами. Согласно Р. Спеку, в эпоху Просвещения получили распространение две основные модели, показывающие, к чему приводят вторжения варваров, и обе они были использованы Вольтером в его известном труде «Опыт о нравах и духе народов» (1756) [14, р. 142].

Первая модель исходила из опыта падения Западной Римской империи, когда угасающая цивилизация подверглась нашествию варваров и была ими полностью уничтожена, однако ее завоеватели впоследствии стали частью цивилизованного мира. Вторая модель основывалась на примере Китая, который неоднократно подвергался нападениям кочевых племен центральноазиатских степей и оказывался в их власти. Однако, согласно Вольтеру, это не привело к уничтожению древней цивилизации, а вторгавшиеся в нее варвары со временем растворились среди китайцев и быстро цивилизовались.

Таким образом, согласно первой модели, история представляет собой череду сменяющих друг друга цивилизаций, которые в процессе своего развития приходят в упадок и уступают место более развитым. В соответствии со второй концепцией, отсутствие прогресса в развитии Китая свидетельствовало о том, что испытав разрушительные вторжения варваров, устойчивая цивилизация неизменно возвращается в прежнее состояние.

Левек считал, что обе эти теории не подходят для оценки последствий монголо-татарского завоевания Руси. По его мнению, монголам не удалось искоренить первые ростки русской цивилизации, однако при этом сами завоеватели не стали цивилизованными. Их вторжение не стимулировало на Руси исторический прогресс, но и не вызвало длительного застоя. Согласно Левеку, Россия динамично развивалась еще до нашествия монголов, и после их изгнания этот процесс был продолжен. Таким образом, татарское завоевание является примером третьей возможной модели последствий междоцивилизационного взаимодействия, при которой варварское нашествие приводит к временной приостановке развития цивилизованной страны, однако оно возобновляется сразу же после устранения этого внешнего фактора.

Левек использовал собственный анализ нахождения Руси под властью Золотой Орды и ее наследников для выявления причин отставания России от Европы. С помощью него он пытался понять фундаментальные признаки русской цивилизации, объяснить закономерность реформ, которые осуществляли не только Петр, но и его предшественники, начиная с Ивана III, а то и раньше. По мнению Левека, период татарского господства мало сказался на русских. Да, между ними и их хозяевами существовал определенный культурный обмен. Да, русские действительно позаимствовали отдельные повадки и обычаи своих завоевателей, но в целом изменения в русской культуре были поверхностными, случайными и не сильно на ней отразились. Период татарского господства, по сути, лишь приостановил поступательное развитие России. Конечно, продолжались междоусобицы, локальные конфликты и захват территорий соседей – все

это подробно описано у Левека. Однако в культурном и социально-экономическом отношениях на Руси имел место временный застой, но не упадок.

Вывод Левека о том, что татарское завоевание замедлило (но не остановило!) прогресс Руси, позволил ему объяснить причины ее частичного отставания от Европы, начавшегося в XIV веке. Временная стагнация Русского государства практически совпала с бурным расцветом европейских стран. Левек считал крестовые походы важнейшим, переломным, хотя и полным парадоксов событием в истории Европы. По его мнению, они привели к избавлению Европы от варварства и постепенному переходу к цивилизации. Вслед за Вольтером, Левек полагал, что крестовые походы сыграли важную роль в ликвидации европейского феодализма. Многие знатные рыцари, отправляясь в походы, были вынуждены продавать свои владения королям. В то же время возникали вольные города, а контакты и торговля с цивилизованным Константинополем, с арабами в Испании и на Святой земле расширялись. Однако эти события, по мнению Левека, не затронули Русь, находившуюся в то время под властью завоевателей. Феодальная раздробленность страны лишь усилилась, а внешние связи ограничивались владениями ее «варварских» хозяев на юге и отсталыми Литвой и Польшей на западе.

Таким образом, французское Просвещение сформировало базу из восточных и русских письменных источников, позволившую воссоздать историю Восточной Европы периода Золотой Орды, а также использовать эти материалы для теоретических обобщений историософского характера. Крупные работы де Гиня и Левека были серьезным вкладом в изучение истории Восточной Европы эпохи Средневековья, они впервые вводили в научный оборот значительный массив новых документов. К сожалению, этот опыт в Европе был быстро забыт. В дальнейшем изучение этой проблемы на Западе было начато фактически заново и недостаточно учитывало сделанное предшественниками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
2. Ильиченко Э.В. Русско-французские культурные и научные связи второй половины XVIII века: Пьер-Шарль Левек: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011. 22 с.
3. Кучумов И.В., Мельник Э.В., Сахибгареева Л.Ф. Пьер-Шарль Левек – французский исследователь истории и этнографии России // Вопросы истории. 2016. № 10. С. 153–161.
4. Кучумов И.В., Сахибгареева Л.Ф. Предшественник Н.М. Карамзина: П.-Ш. Левек как историк России // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2024. Вып. 88. С. 337–352. DOI: 10.21267/AQUILO.2024.88.88.024
5. Левек П.-Ш. История народов, подвластных России / экспериментальный пер. с фр. Л.Ф. Сахибгареевой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 477 с. (Studiorum slavicornum orbis; вып. 11).
6. Лушников О.В. Монгольская империя в историографии XVIII–XX вв. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. 116 с.
7. Свердлов М.Б. Российская историография второй половины XVIII века. СПб.: Нестор-История, 2022. 537 с.

8. Якубовский А.Ю. Из истории изучения монголов X–XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. Вып. 1. С. 65–88.
9. Baghdiantz-MacCabe In. *Orientalism in Early Modern France: Eurasian Trade, Exoticism, and the Ancien Régime*. Oxford; New York: Berg, 2008. 416 p.
10. Chochoy M. *De Tamerlan à Gengis Khan. Construction et déconstruction de l'idée d'empire tartare en France du XVIe siècle à la fin du XVIIIe siècle*. Leiden; Boston: Brill, 2021. 332 p.
11. Guignes J. de. *Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux...* Paris: Desaint et Saillant, 1757. T. 3. 569 p.
12. Levesque P.-Ch. *Histoire de Russie et des principales nations de l'Empire Russe*. 4. éd. Paris: Fournier; Ferra, 1812. T. 1. 371 p.
13. Levesque P.-Ch. *Histoire de Russie et des principales nations de l'Empire Russe*. 4. éd. Paris: Fournier; Ferra, 1812. T. 2. 382 p.
14. Speck R.P. *The History and Politics of Civilisation: the Debate about Russia in French and German Historical Scholarship from Voltaire to Herder*. London: Queen Mary University, 2010. 295 p. (unpublished dissertation, PhD).

REFERENCES

1. Vul'f L. *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 560 p. (In Russian)
2. Ilichenko E.V. *Russian-French Cultural and Scientific Relations of the Second Half of the 18th Century: Pierre-Charles Levesque: Synopsis of a Thesis for the Degree of Candidate of Historical Sciences*. Saratov, 2011. 22 p. (In Russian)
3. Kuchumov I.V., Melnik E.V., Sahibgareeva L.F. Pierre-Charles Levesque – French Researcher of Russian History and Anthropology. *Voprosy istorii=Questions of History*. 2016, no. 10, pp. 153–161. (In Russian)
4. Kuchumov I.V., Sahibgareeva L.F. N.M. Karamzin's Predecessor: P.-Ch. Levesque as a Historian of Russia. *Dialogue with Time: Almanac of Intellectual History*. 2024, iss. 88, pp. 337–352.. DOI: 10.21267/AQUILO.2024.88.88.024 (In Russian)
5. Levek P.-Sh. *History of the Peoples Subject to Russia / Experimental Translation from French by L.F. Sahibgareeva*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2016. 477 p. (Studiorum slavlicorum orbis; 11). (In Russian)
6. Lushnikov O.V. *The Mongol Empire in the Historiography of the 18th–20th Centuries*. Kazan: Fan Publishing House, 2009. 116 p.
7. Sverdlov M.B. *Russian Historiography of the Second Half of the 18th Century*. St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022. 537 p. (In Russian)
8. Yakubovskiy A.Yu. *From the History of Mongol Studies (10th–13th Centuries). Essays on the History of Russian Oriental Studies*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1953. Vol. 1, pp. 65–88.
9. Baghdiantz-MacCabe In. *Orientalism in Early Modern France: Eurasian Trade, Exoticism, and the Ancien Régime*. Oxford; New York: Berg, 2008. 416 p. (In French)
10. Chochoy M. *De Tamerlan à Gengis Khan. Construction et déconstruction de l'idée d'empire tartare en France du XVIe siècle à la fin du XVIIIe siècle*. Leiden; Boston: Brill, 2021. 332 p. (In French)
11. Guignes J. de. *Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux...* Paris: Desaint et Saillant, 1757. Vol. 3. 569 p. (In French)
12. Levesque P.-Ch. *Histoire de Russie et des principales nations de l'Empire Russe*. 4. éd. Paris: Fournier; Ferra, 1812. Vol. 1. 371 p. (In French)
13. Levesque P.-Ch. *Histoire de Russie et des principales nations de l'Empire Russe*. 4. éd. Paris: Fournier; Ferra, 1812. Vol. 2. 382 p. (In French)

14. Speck R.P. The History and Politics of Civilisation: the Debate about Russia in French and German Historical Scholarship from Voltaire to Herder. London: Queen Mary University, 2010. 295 p. (unpublished dissertation, PhD).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ильдар Махмутович Габдрафиков – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (119334, Ленинский проспект, 32а, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-1666-519X. E-mail: ildargab@yandex.ru

Игорь Вильсович Кучумов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (450077, ул. Карла Маркса, 6, Уфа, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4814-8317. E-mail: ivku@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ildar M. Gabdrafikov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Distributed Research Center for Interethnic and Religious Problems, N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (32a, Leninsky Avenue, Moscow 119334, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-1666-519X. E-mail: ildargab@yandex.ru

Igor V. Kuchumov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (6, Karl Marx Str., Ufa 450077, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4814-8317. E-mail: ivku@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 13.01.2025

Поступила после рецензирования / Revised 17.08.2025

Принята к публикации / Accepted 01.09.2025